

Мне очень хочется рассказать о ней, о том, как я вижу ее, вернее, образы, созданные ею на сцене, о главном впечатлении, сложившемся от знакомства с ними. Но — странно! Начинаю подбирать слова, и ни одно из них «не идет» к ней. Может быть, оттого, что никакие слова не могут передать впечатления от непосредственной встречи? А быть может, причина в другом, — разносторонности ее актерского мастерства? Не знаю. Ее нельзя не запомнить, даже если она выступает в окружении прославленных мастеров сцены. А запомнив — не полюбить, потому что именно она, Шафига Мамедова, актриса театра им. М. Азизбекова, обладает особым даром — вносить в действие какую-то необыкновенную стремительность, глубину, правдивость и осязаемость. Причем, настолько, что, кажется, ты сам стал соучастником всего увиденного. Актриса создает образы, словно бы нарочито незавершенные, но совершенствующиеся от спектакля к спектаклю. А это, как известно, свойственно только серьезным и вдумчивым актерам. Вспомним хотя бы Машу из «Живого трупа» Л. Толстого (режиссер М. Мамедов). Если в первых постановках Маша — Шафига Мамедова покорила быстрой через край энергией и молодостью, живым дыханием вольной поэтической натуры, к которой тянется из унылых будней Федя Протасов, то в последующих в образе Маши появляются трагические нотки, беспокойство и отчаяние словно бы нарастают по мере приближения героя к трагической развязке.

Много воды утекло с того памятного дня, когда девятиклассница дербентской школы неожиданно для себя стала победительницей республиканского конкурса чтецов-декламаторов.

— Помню, я читала тогда «Горянку» Расула Гамзатова, — вспоминает Шафига, — нет, не волновалась, я любила и люблю Гамзатова, мне близка и понятна его поэзия. Я ценю душевное богатство этого человека, тепло, которое излучает каждая его строка. Сейчас мне трудно утверждать, что именно это событие было прелюдией к моей актерской биографии, но, признаюсь, так я считаю

ПОРТРЕТ-ИНТЕРВЬЮ

ШАФИГА МАМЕДОВА: ВРЕМЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ АМПЛУА

сама. А потом — переезд в Баку, факультет музыкальной комедии института искусств.

Так было определено ее амплуа. Сейчас немного странно слышать это — после Гертруды, Гюльтакин, Леди Мильфорд, блестяще сыгранных Шафигой Мамедовой. Но начиналась она именно так. И, как всегда, помог случай.

— Когда я училась на первом курсе, мне часто приходилось бывать в нашем студенческом театре, наблюдать, как работают педагоги со студентами актерского факультета. Особенно любила наблюдать, как работает Тофик Кязимов. Этот человек преподавал мне первые уроки сценического мастерства. Он учил верить в то, что все происходящее на сцене — совершенная правда. «Мелочей на сцене не существует, — говорил он. Любим промах, даже самый маленький, может разрушить веру в правдивость происходящего». Я часто была свидетелем, как, наблюдая игру актеров, он весь как-то подавался вперед, загорался, для него в те минуты ничего не существовало, кроме происходящего на сцене. Ему доставляло наслаждение еще и еще раз наблюдать человеческие характеры, подмечать

тонкости их взаимоотношений. Я мечтала сыграть в его спектакле хоть небольшую роль. И словно почувствовав это, он предложил мне роль в учебном спектакле «Первые и последние» по пьесе Голсуорси.

В театре часто бывает, что дебют, если он удачный, на долгое время определяет амплуа актера. Так случилось и с Шафигой. Она была студенткой третьего курса, когда Тофик Кязимов предложил ей роль Гертруды в «Гамлете».

— Роль Гертруды была моим самым главным экзаменом, этапом актерской биографии.

Надо ли говорить о том, как волновалась она, как хотелось ей сыграть Гертруду — кто из актрис не мечтает об этой роли! Но образ Гертруды своей активностью, многообразием и неожиданностью проявлений уже не вписывался в рамки амплуа, определенного для Шафиги в театральном институте. И потому можно смело сказать, что эта роль стала началом сценической биографии актрисы в театре им. М. Азизбекова.

Как великолепно ведет она сцену с Гамлетом, когда говорит сыну о своей любви к нему! А зал, затаив дыхание, с волнением следит, как по-

среди лицемерного Эльсиора рождается, растет островок человеческой теплоты. «Образ Гертруды в исполнении Шафиги Мамедовой словно бы высветлен прозранием, поднят до высот подлинной трагедии». Так писали газеты.

Следующих ролей Шафиге Мамедовой пришлось ждать недолго. Вскоре она была принята в труппу театра им. М. Азизбекова. Ее учителями, наставниками и партнерами были Тофик Кязимов, Мехти Мамедов, Лейла Бадирбеги, Гасан Турабов и другие. Любовь к театру, прекрасные внешние данные, необыкновенное трудолюбие сделали свое дело: очень скоро молодая актриса стала одной из ведущих в театре. Она сыграла Соню в «Злом духе», Севду в «Хаяме», Нигал в «После дождя», Гюльтакин в «Айдыне», Леди Мильфорд в «Коварстве и любви», Машу в «Живом трупе»...

О Маше Шафига говорит с особой нежностью.

— Эта роль, которую я обязательно должна была сыграть. Для меня Маша не просто воплощение свободной таборной жизни с отблесками цыганских костров. Она устроена так, что может жить и чувствовать только «на пределе». Своему чувст-

ву она доверяется вся, без остатка, и если любовь уходит, то жизнь теряет всякий смысл. Помните одну из последних сцен, там, где Маша объясняется с Федей после его неудавшегося самоубийства?

Эту сцену трудно забыть — талантливо и во многом верно угаданную режиссером Мехти Мамедовым (как, впрочем, и весь спектакль в целом) и сыгранную актрисами театра им. М. Азизбекова. Помню искаженное безысходностью лицо Маши. Ее глаза полны такой печали, что, кажется, раздели на всех — хватит. И зритель понимает, какой ценой достается ей эта любовь, еще раз убеждается в ее внутренней силе.

Шафига не любит говорить о своих планах на будущее. О том, что она мечтает сыграть Федру Еврипида, я узнала случайно. Любимые актеры? Она пожимает плечами:

— Помните у Толстого: «Сколько голов, сколько умов, столько же родов любви». Примерно то же я бы сказала об актере, с которого хотела бы «делать жизнь». Для меня мерилом может служить собирательный образ, такая, знаете, смесь лучших качеств актеров, хороших и разных. Я не согласна с бытующим мнением, что на одного Рафаэля приходится тысяча маленьких художников. Потому что художник, даже небольшого дарования, если он по-настоящему любит искусство, тоже может доставить радость познания прекрасного.

Последняя работа Шафиги Мамедовой — Ариэль в «Буре» Шекспира.

— Здесь есть над чем думать и над чем работать, — с присущим ей юмором говорит Шафига.

Спрашиваю, чем привлекают ее роли современниц, как она к ним относится. Шафига долго думает, сплетает и расплетает длинные пальцы красивых рук. Потом медленно, словно боясь расплескать что-то внутри себя, произносит:

— Роли, как дети, все любишь, хоть и по-разному, но одинаково сильно. Но я уверена, что лучшая моя роль еще ждет меня. И что состоится она обязательно.

Р. БЕКИРЗАДЕ.